

СОВЕТСКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ И ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

(на материале литературной истории Грузии)

Ирма Ратиани

Литература – это концептуальная рефлексия на реально протекающие процессы, и в смысловом или изобразительном плане художественного текста всегда находит отображение контекст, в котором сформировался тот или иной текст. Если учесть присущее литературе стремление к интеллектуальной и репрезентативной свободе, то можно явственно представить противостояние, возникающее между художественным текстом и реальным контекстом в условиях тоталитарных режимов. Главным признаком тоталитаризма, как насильственного правления, является создание идеологической диктатуры, формирование и насаждение клише, что, конечно же, значительно сужает границы литературной свободы. Явным примером могут служить 20-ые годы прошлого века, когда уже сложившиеся в грузинской литературе модернистские тенденции оказались в концептуальном антагонизме с идеологическими принципами советской диктатуры. Направленный на деструкцию духовных ценностей политический курс изначально противостоял литературному процессу, суть которого составляли духовные искания, и который, в свою очередь, точно выразил кризис эпохи, всеобщий скептицизм и нигилизм, царивший в подавленном интеллектуальным террором обществе. Противостояние тоталитарного режима и художественно-литературного мышления продлилось несколько болезненных десятилетий и составило важнейший этап в истории грузинской культуры.

В подобных случаях, с позиции литературоведческого анализа, значима не только оценка концептуальных или мотивационных моделей текста, но и выявление реакций литературного дискурса на интеллектуальный террор, а также систематизация содержащихся в достаточно обширном литературном материале структурных моделей; однако не менее важно и выявление связей концептуально-мотивационных и структурных моделей литературного дискурса, установление и осмысление того, насколько крепкими, или, наоборот, слабыми, предстают эти связи, тем более что процесс этот является симптоматичным и охватывает обширное культурное пространство.

На протяжении десятилетий Советский Союз оставался символом культурного эклектизма при всем том, что противоречия успешно маскировались работой гипертрофированного государственного механизма, а также принципом централизации власти: что нужно одному – нужно всем, правило для одного – правило для всех, как живет один, так и все остальные; решения единовластно принимались центром; национальность, история, традиции, мышление, устремления – все это лишь незначительные детали на фоне масштабного красного советского маркера.

Неужели и интерьер этой искусственной системы столь же наивен, как и фасад? Конечно же, нет.

Храбрые революционеры давно превратились в циников и фанатиков, а понятие лидера обрело амбивалентный и двусмысленный характер. Прежде всего, лидер уже не тот, кто заслуживает лидерства (хотя бы по одному показателю), но тот, кто жаждет лидерства сильнее остальных и стремится к этому всеми возможными способами. Если в нормальных условиях достижение лидерства связано с определенными показателями, как-то: ум, компетентность, личные заслуги, или, вовсе, наследование власти, в советской структуре оно подчинено лишь одному принципу – агрессивному желанию.

Формируется однозначная правительственная идеология, некая иррациональная структура, самовольно присваивающая созидательную функцию Демиурга, что подразумевает «создание» новой общественной модели и «переделку» человека по определенному образцу. Процесс «создания» и «переделки» протекает под знаком определенного регресса: лидер создает новую общественную модель, т.е. реализует утопический замысел, но в поисках организованного Добра и Счастья он опирается на силу, таким образом меняет жизнь людей, и она постепенно перерастает в Хаос и Несчастье, обретая в итоге вид организованного Зла (см. на груз.: Ратиани 2005: 99-130). Трансформация лидера неизбежна: его созидательная функция трансформируется в карательную и разрушающую, как отмечает Семен Франк (Франк 1992: 54). Лидер превращается в персонифицированное воплощение насилия, зла, в монстра, являющегося объектом искусственно-патетического поклонения покорных масс.

Каково же влияние подобной политической системы на культуру, искусство, в частности, на литературу?

Если не считать немногочисленной группы энтузиастов, воодушевленных (или отравленных?) идеей «освобождения масс», то насаждение советской идеологии в сферу общественного мышления осуществляется путем эмоционально-психологического воздействия. Можно выделить различные аспекты этого воздействия. Прежде всего, идеологическое зомбирование писателей и привлечение их на службу диктатуре под давлением террора. Связующим субстратом между иерархической государственной машиной и искусством при этом служит страх, а в итоге, в качестве литературной модели *советского дискурса*, создаются лишённые истинной художественности *идеологизированные тексты*. Согласно классическому определению, советский дискурс выступает «социокультурным феноменом лингвориторической, речемыслительной природы» (Ворожбитова 2000: 21¹). Социопсихологическим ключом к его ментальности, конечно же, служит гимн, а в эстетическом плане оно реализуется как Литературное направление - Социалистический реализм. С одной стороны, советский дискурс - это дискурс «новой демократии» и левой интеллигенции, где слово-фикция доминирует над словом-предметом, с другой стороны – это лишённый глубины и переживания национальной индивидуальности «поверхностный дискурс». В рамках этого дискурса невозможно что-либо понять, это всего лишь симуляция; а радикальное проявление симуляции в литературе ведет к созданию идеологической макулатуры. Его текстуализированной формой является *пролетарский дискурс*.

Пролетарский дискурс не только классическая, но и утрюванная литературная модель советского дискурса, которая, путем слияния мышления «с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата» (Гастев 1919: 10); ее истоки следует искать в агитационно-прокламационной (анти)культуре второй половины 19-го века. Вооруженный лозунгом «Мы наш, мы новый мир построим» (где? как? на обломках старого?), пролетарский дискурс, во имя реализации ведущей идеи, поддерживает радикальные средства социальных инноваций, даже самые жесткие из них – пытки, убийства, уничтожение, террор в целом, как кратчайший путь к культивации масс, и в этом случае «уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь

¹ Из-за отсутствия общепринятой системы ссылок на непагинированные (электронные) документы, указываем на страницу в печатном варианте источника, см. библиографию (прим. ред.).

в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, выключений, замыканий» (Гастев 1919: 10). Концептуальная и нравственная позиция более или менее радикально настроенных авторов, добровольно или насильственно объединенных под вывеской советского дискурса, четко выражает принципы советской риторики, лишенные индивидуальности и национальности («Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»).

Но у этого процесса обнаруживается и иная, обратная, сторона – несокрушимое бесстрашие борьбы нонконформистов: писатель не приемлет навязываемую поверхностную иллюзию Счастья и выбирает активную форму творческого протеста, в результате чего начинает формироваться *антисоветский дискурс*. Начальной моделью антисоветского дискурса, по-видимому, следует считать модернистскую литературу, ее различные формы и течения, поскольку именно знаковые для высокого модернизма устремленность к репрезентативной свободе, художественные тенденции поисков истины и становления индивидуальности представляли главную опасность для советских демагогов. Модернизм – органическая часть целостной парадигмы развития грузинской литературы, так же, как и европейской. Соответственно, борьба с ним – прямая аналогия не только идеологической, но и антиисторической и антинациональной борьбы. Поэтому неудивительно, что в этой борьбе совершенно не существенны авторитеты: понятие «писатель» полностью вытесняется понятиями «наш» и «враг». Первое – маркер советского дискурса, второе – антисоветского. Не меньшую опасность, чем модернизм, представляет *искусство и литература авангарда*. Несмотря на то, что авангардизм отрицает знаковую для высокого модернизма «духовную проблематику, всю систему его экзистенциальных устремлений» (на груз.: Ципурия 2008: 262), он активно реализуется в экспериментальных моделях изобразительных форм: «суть в самом изображении... Модернистская идея вечного поиска сохраняется как поиск средств художественного выражения и преобразуется в поиск вечно новых, противоположных принятой, художественных форм» (на груз.: Ципурия 2008: 262). Все нестандартное противостоит «правильному мышлению», а, следовательно – антисоветское. Объявим ему «общественное порицание»!

Суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что оппозитивные модели *советский дискурс / антисоветский дискурс* являют собой различные ответы на один и

тот же процесс, который сравним лишь с шоковой терапией: обе формы литературного дискурса максимально активированы в 20–30-ых годах прошлого века, т.е. именно тогда, когда коммунизм преобразуется из утопической мечты в реализуемый проект.

Молодой советский строй открытым фронтом утверждался на территории насильственно объединенных стран; почетное место в пространстве специфического советского нарратива рядом с другими политизированными терминами занимали понятия «советская литература», «социалистический реализм», «школа советской критики», которые необычайно четко выражали приоритеты идеологически маркированной литературы и обещали служителям муз особые привилегии и почет. С одной стороны – страх, с другой – гарантия стабильного благополучия, оказались мощными стимулами для тех, кого меньше всего заботило величие века. Сочинялись стихи-дифирамбы и хвалебные оды, посвященные тем, кто держал в своих руках кормило власти советской страны; писались толстые романы о коллективном труде и трудовом героизме советских людей, о жизни борцов за братство, единство и равенство и их непримиримой борьбе с остатками буржуа и аристократов; советская критика превозносила подобные литературные эксперименты, но не ограничивалась этим: она безжалостно расправлялась со ставшей большой редкостью качественной литературой – интерпретацией. Жертвами подобной ложной, неприемлемой, интерпретации стал не один текст грузинских писателей, имевший этапную значимость. Авторы средних способностей и дарований легко вписались в текущий процесс, но, к сожалению, трещина задела и метров. Приписать это искренней вере в советский идеологический курс, а тем более, восхищению им, означало бы искажение фактов. Причиной, прежде всего, был страх, обыкновенный человеческий страх, который диктовал подчинение лидеру и государственной структуре. Но и у страха нагрузка была неоднозначной: именно страх заставлял часть писателей ощутить абсурдность эмпирической реальности и, усиливая чувство протеста, координировал выработку альтернативного дискурса.

Какой была реакция власти на альтернативный литературный дискурс?

Альтернативный литературный дискурс был перемещен на крайне маргинальную позицию. Писатель с легкостью объявлялся «врагом», а его творчество – «антигосударственной деятельностью», конец всегда был один: наказание. Перечень осужденных по этой статье грузинских писателей получился бы очень длинным. Но

трагизм ситуации в таких случаях складывается не только из исковерканных судеб отдельных людей, но и из разрыва целостности парадигмы литературного процесса, что, как правило, требует длительной культурной реабилитации.

Поэтому в условиях тоталитарных режимов достаточно большое пространство художественной литературы заполняется «шедеврами» трубадуров государственной системы, которые, к сожалению, обладают лишь хронологической и количественной значимостью: в такое-то время было написано столько-то, тема – практически идентична. Но художественная литература не может оцениваться исключительно лишь по хронологическим или количественным показателям, одним из главных критериев оценки, вместе с концептуальными и художественными инновациями, служит степень интеллектуальной свободы, дефицит которой явно испытывало советское общество.

Антисоветский литературный дискурс прокладывал себе дорогу иными методами, но выбор форм борьбы был невелик: традиционно существовало только два пути – прямой и окольный. Прямой путь был уделом храбрецов: писатели шли на самопожертвование, считая иные пути – компромисс, или неуправляемый механизм продления существования – неприемлемыми. Соответственно, не один, взбунтовавшийся против «идеального типа» рабского существования, писатель сознательно шел навстречу расстрелу, ссылке или самоубийству. Все эти формы «решения» проблемы по своей сути были идентичными, разница заключалась лишь в стратегии воплощения. Писатель сам становился трагическим персонажем, гибнущим ради собственных принципов.

Писатели лишь тогда «научились» пользоваться окольными путями, когда само общество начало выходить из шокового состояния, т.е. началась вынужденная адаптация к контексту (приблизительно с конца 30-ых годов); тоталитарное политическое правление было расценено как неизбежная историческая реальность, а защита от него – как длительный политический процесс. Эта модель антисоветского литературного дискурса работает *под маской* и может быть концептуально расценена как стратегия «рикошета», хотя более напоминает партизанское сопротивление по принципу «поспешай, но не спеши». Писатели борются всеми доступными им средствами – сатирой, аллегорией, иронией, абсурдом; борются на своей территории и вне нее – в эмиграции, открыто и подпольно. Для достижения цели эффективны все средства, но в этом случае сам писатель

уже не является персонажем трагедии, но лишь трагиком, который старается заменить реальность процессом активного мифотворчества.

Особый интерес, несомненно, вызывает следующее: находясь в вечном поиске репрезентативных моделей, антисоветский литературный дискурс предстает и как генератор жанрового многообразия литературы советского периода. Например, такие значимые литературные жанры как *литературная антиутопия*, *мифо-реалистический роман* или *сатирическая новелла* можно причислить к идеальным жанровым моделям антисоветского дискурса. На данном этапе нашего исследования утверждать, что генезис этих жанров связан с советской идеологией, невозможно, однако, в отдельных случаях, подобное заключение может оказаться вполне правомерным.

Насколько устойчивым или флективным был литературный дискурс советской эпохи?

И устойчивость и флективность литературного дискурса, конечно же, обусловлены контекстом. Когда процесс является длительным, т.е. тоталитарное правление длится почти целый век, то, естественно, можно выделить различные его периоды: более или менее радикальные, относительно либеральные, инертные, или же активные, а также и периоды иного типа. Несмотря на то, что все они наносят существенный вред идее интеллектуальной свободы, флективность литературного дискурса советского периода не вызывает сомнений. Явным примером может служить литература «*Отечественной войны*», позднее же – т.н. «*оттепели*», т.е. 50–60-ых годов.

В период Отечественной войны наиболее успешной стилистической и функциональной реализацией советского дискурса был *публицистический дискурс*. Хотя и в этом типе дискурса можно выделить различные пласты: *официальная пресса*, как проявление позиции советских идеологов (радиорепортажи, хотя бы известный тембр Левитана², и драматические тексты); высокохудожественные *патриотические тексты* авторитетных писателей, искренне выражавших свои чувства относительно общеэтнической проблемы; и, наконец, *эпистолярные тексты* – *личная переписка и воспоминания* писателей, в которых остро ощущим разрыв между официальной позицией и реальным положением. Но, перед угрозой общей физической опасности, это, скорее,

² Юрий Левитан, «диктор Всесоюзного радио, диктор Государственного комитета Совета министров СССР по телевидению и радиовещанию». В 1941–1945 гг. «читал сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего И. Сталина» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Левитан,_Юрий_Борисович) (прим. ред.).

подпольный период и без того маргинального антисоветского дискурса, имевшего довольно-таки фрагментарный характер; зато успешно проходило формирование и распространение советского ментального коррелята – *homo sovieticus-a*.

В грузинском литературном пространстве советского периода особого внимания заслуживает понятие маргинальности, которое, так же как и общелитературная ситуация, подчинено двойному стандарту. Вопрос можно сформулировать следующим образом: какой дискурс считается маргинальным, и какой реально является маргинальным? Прежде всего, следует отметить, что постсоветское литературоведение изменило свое отношение к понятию маргинальности. Если в буквальной интерпретации маргинальное означает периферийное, отстраненное, *недоминантное*, то в современной интерпретации оно концептуально осмысляется как эпитет «качественной литературы» советской эпохи. Такая трансформация интерпретации понятия, безусловно, связана с тоталитарным опытом XX века. Совершенно ясно, что в 20–30-ые и 40-ые годы маргинальными считались формы антисоветского дискурса, среди них, модернистская и авангардистская литература, а также те жанры, которые лучше всего выражали мысли негативно относившихся к советскому режиму писателей, среди них: литературная антиутопия, мифо-реалистический роман, сатирическая новелла, драма абсурда и другие. На их фоне доминантными литературными формами считались формы советского дискурса – социалистический реализм, пролетарский дискурс, военный дискурс и другие. Заслуживает внимания то, что дихотомия *доминантное/маргинальное* не столько отражала реальную ценностную шкалу, сколько являлась предвзятой оценкой писателей и литературных фактов, полностью обусловленной идеологическими установками. Определение реальных стандартов маргинальности путем таких оценок невозможно, и единственным способом достижения объективности представляется осмысление литературного процесса как противоречивой парадигмы. На фоне противоречий литературного дискурса советской эпохи четко проступают реальные контуры объективно маргинальной литературы: антисоветский дискурс признается советскими идеологами маргинальным, поскольку он противостоит центральному идеологическому курсу, а писатели или сами выбирают роль маргиналов, или – примираются с нею. В отличие от него, советский дискурс признается доминантным дискурсом, поскольку он отвечает идеологическим требованиям, а писатели комфортно чувствуют себя в главных ролях на

сцене советского социального и культурного театра. Насколько правомерен такой баланс? Установление реального соотношения между маргинальным и доминантным исключительно лишь путем идеологического стандарта невозможно. Масштабный анализ литературного процесса показывает: советский дискурс – это искусственно созданная система, противостоящая с позиции идеологической доминанты антисоветским моделям, объявленным маргинальными. В то же время антисоветские модели: а) являются национальными версиями текущего европейского и мирового литературного процесса; б) предлагают естественное развитие/импликацию национальных литературных традиций (ренессанс, романтизм и др.). Таким образом, в советский период имеет место искусственное смещение ценностной шкалы: то, что является реально ценным, органичным и значимым, признано маргинальным, а то, что было временным, но приемлемым, признано доминантным. Огромная масса по большей части необразованных и наивных читателей молодого Советского государства стала жертвой этой «оптической лжи», а интеллектуальные читатели, количество которых было намного меньше, строго наказывались за «запрещенные пристрастия/запрещенный вкус». Современное литературоведение обязано переоценить ситуацию: маргинальная литература советской эпохи 20–40-ых годов, несмотря на гонения и притеснения, является основанной на внутренней логике и ориентированной на будущие литературные перспективы частью мультилитературного пространства. Это положение касается как литературных направлений, так и отдельных жанров и образцов.

Начиная с 50–60-ых годов, позиция читателя меняется, так как в период так называемой «оттепели», т.е. в 50–60-ые годы, мы наблюдаем совершенно иную литературную картину. Если в 50-ые годы даже поседевшие на службе у советской идеологии авторы чувствуют необходимость переоценки собственных текстов, то с 60-ых годов, после почти тридцатилетнего интервала, открыто возрастает влияние западных литературных тенденций. Грузинские шестидесятники этого периода выглядят особо привилегированными на фоне обреченного поколения грузинских модернистов 20–30-ых годов. Эта прозападная модель антисоветского дискурса была, конечно же, реализацией политической либерализации: и если существовавший за железным занавесом мир просачивался в дома советских лидеров в виде Мальборо и других «импортных» (советский термин) товаров, то у литературы появилась возможность «окинуть взглядом»

западные течения и концепции. *Антисоветский либеральный дискурс* проникал на территории советских стран хемингуэевскими темами и смелыми неореалистическими экспериментами, принося с собой романтические мечты о дружбе, чистосердечии, искренности, сложности взаимоотношений и даже – о свободе!

В постсталинистскую эпоху «либерализма» идеологическое давление на читателя относительно смягчается: если на раннем этапе советизации безоговорочно верящая партии и в светлое коммунистическое будущее идеологизированная масса доминирует над интеллектуальной частью читателей, то сейчас наоборот. Психология масс, прошедших репрессии 37-го, 49-го, 53-го годов, меняется (возможно, диктатуру погубило внедрение системы всеобщего образования, как одного из обязательных компонентов коммунистической утопии?), в покорно склоненных головах царит скептицизм: почти априорно звучит – ценно именно то, что запрещают, а не то, что подсовывают. Понятие *ценного*, как ярлык, прилепляется к *маргинальному*, а не к *доминантному*. Соответственно, маргинальное постепенно перемещается на позицию доминантного. Конечно, нельзя считать поэтически ценным все маргинальное, созданное в эту эпоху, хотя значима концептуальная ценность, что не менее важно. Этот расклад, с некоторыми уточнениями, сохраняется уже до момента крушения империи. Как известно, начиная с 70-ых, из-за излишеств «либерализма» в советских лидерах вновь проснулся инстинкт запрета «чужого». В 70-ые годы агрессия советской власти против любого новшества усиливается, принимая, с одной стороны, крайне искусственный характер, а с другой – нарушая элементарные нормы коммуникации. В результате писатель, как один из самых квалифицированных потребителей информации, переживает острый информационный дефицит. Парадоксально, но радикальный характер в процессе воссоздания искусственной структуры приобрел уже не советский дискурс, как это было в 30–40-ые годы, но антисоветский дискурс, текстуализованным проявлением которого стал *диссидентский дискурс*. А, может, это и не парадокс, но культурное проявление близости режима к своему логическому завершению?

В сложившейся ситуации литературная система неординарно расслоилась и, в результате, создается новая картина маргинальности/доминантности. В грузинской литературе вычленяются следующие модели дискурса:

субъективистский дискурс («инакомыслящие»), как глубинная модель антисоветского дискурса;

радикальный дискурс (диссиденты), как утрированная модель антисоветского дискурса;

адаптированный дискурс (конформисты), как попытка интеллектуального примирения антисоветского и советского дискурсов;

нейтральный дискурс (невмешательство) – пассивная модель антисоветского дискурса, родственная субъективистскому дискурсу, но отличающаяся от него пассивностью позиции.

И, конечно же:

модернизированный советский дискурс (предусмотрительные апологеты), как новый оплот советской власти.

В основе подобной дифференциации лежит уже не только идеологический антагонизм между дискурсами, или качественные показатели литературной продукции, но, прежде всего, позиция писателя, как проявление социальной идентификации и форм коммуникации. Неоспоримую доминантную позицию сохраняют: *субъективистский дискурс и радикальный дискурс, а также – нейтральный дискурс, а на маргинальную позицию перемещаются: адаптированный дискурс и модернизированный советский дискурс.*

Несмотря на внешнее спокойствие, сосуществование указанных моделей дискурса, полагаем, было страшным историческим опытом с довольно-таки нежелательной социальной и культурной перспективой. Однако для Грузии оно закончилось довольно-таки быстро – 14 апреля 1978 года³, когда грузины открыто выступили на защиту своего государственного языка. Именно с этой даты следует начинать отсчет деструкции дискурса грузинской литературы советского периода. Этот день был важнейшим событием в истории Грузии во многих смыслах, тогда же началась и трансформация грузинского литературного дискурса. Стало ясно, что оформившаяся и мотивированная гражданская воля общества гораздо сильнее любой государственной машины. Начиная с

³ Ср.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Демонстрации_в_Грузии_\(1978\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Демонстрации_в_Грузии_(1978));
http://en.wikipedia.org/wiki/1978_Georgian_demonstrations;
[http://ka.wikipedia.org/wiki/აპრილის_აღმშობილებების_დღე \(1978\)](http://ka.wikipedia.org/wiki/აპრილის_აღმშობილებების_დღე (1978)) (прим. ред.).

80-ых годов, литературный дискурс, также как и сам политический режим, продолжает существовать в ином статусе, но это уже совсем другая тема.

И в завершение, писатель во все времена может избрать рабство, но его выбор должен быть добровольным, а не насильственным. Выход из тоталитарного тупика удалось найти лишь нонконформистам: сохранность истинно литературных образов исторически гарантирована даже в периоды жестокой тирании – истинно ценное охраняет само время, а не желания отдельных людей, независимо от того, насколько успешными диктаторами они являются.

Перевод с грузинского И.И.Модебадзе.

Литература:

- Гастев 1919: Гастев, Алексей. О тенденциях пролетарской культуры. В: *Пролетарская культура*, 1919, №9.
- Ворожбитова 2000: Ворожбитова, А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация В: *Теоретическая и прикладная лингвистика* (Воронеж), 2 (2000), с. 21-42 ; то же [электронный ресурс]: URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (16.01.12)
- Ратиани 2005: რატიანი ი. *ქრონოტოპი ანტიუტოპიურ რომანში. ესქატოლოგიური ანტიუტოპიის ინტერპრეტაციისათვის* [Ратиани, Ирма. *Хронотоп в романе-антиутопии. Интерпретации эсхатологической антиутопии*], Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета (на грузинском языке).
- Франк 1992: Франк, С. Л. *Смысл жизни* [1926], Минск: Полифакт.
- Ципурия 2008: წიფურია ბ. *პოსტმოდერნიზმი* [Ципурия, Белла. *Постмодернизм*] – В: *ლიტერატურის თეორია. XX საუკუნის მეთოდოლოგიური კონცეფციები და მიმდინარეობები* [Теория литературы: Методологические концепции и течения XX века], Тбилиси: Изд-во Института грузинской литературы (на грузинском языке).